

В. Г. Белинский

Вступление к «Физиологии Петербурга»

Виссарион Белинский

Вступление к
«Физиологии Петербурга»

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Вступление к «Физиологии Петербурга» / В. Г. Белинский —
«Public Domain», 1845

Белинский ставит со всей ясностью вопрос о включении «физиологических очерков» в русло великих традиций русской реалистической литературы, требует в то же время от авторов овладения тем глубоким знанием и пониманием русской действительности, которое было свойственно Грибоедову, Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Именно их творчество имеет в виду Белинский, когда говорит, что «литераторы, принимавшие участие в этих изданиях, могли бы, кажется, найти для себя готовую и притом верную точку зрения на общество в произведениях тех немногих русских писателей, которые умели постигнуть тайну русской действительности».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Примечания	

Виссарион Григорьевич Белинский Вступление к «Физиологии Петербурга, составленной из трудов русских литераторов, под редакциею Н. Некрасова»

Русскую литературу часто упрекают за равнодушие к предметам отечественным. Это обвинение и справедливо и несправедливо. В самом деле, с одной стороны, много ли у нас книг, из которых можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества? Скажем более: где у нас эти книги? Их нет. Русская литература представляет едва ли не более материалов для изучения исторического и нравственного быта чужих стран, нежели России. Мы разумеем здесь произведения беллетристические, то, что составляет так называемую *легкую литературу*, которой назначение состоит в том, чтоб занимать досуги большинства читающей публики и удовлетворять его потребности. Произведения художественные, творения строгого искусства мы не причисляем к легкой литературе, а потому, говоря о бедности нашей литературы по части книг, которые знакомили бы русских с их собственным бытом, мы не имеем в виду тех поэтических созданий, которыми по справедливости всегда может гордиться русская литература и в которых отражается русское общество, каковы, например: комедии Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, некоторые из стихотворных произведений Пушкина («Граф Нулин», «Евгений Онегин», «Домик в Коломне», «Родословная моего героя»), несколько его же повестей и рассказов в прозе («Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Дубровский», «Летопись села Горохина»^[1]), комедии, повести и роман («Мертвые души») Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова и, наконец, еще несколько произведений других более или менее замечательных талантов. Если бы таких сочинений было и гораздо меньше, нежели сколько можно было бы желать их, – все-таки нельзя жаловаться на их малочисленность, потому что явление великих талантов не зависит от воли или желания людей. Но выбор предметов, которым посвящают перо свое обыкновенные (и по тому самому и более многочисленные) таланты, может подвергаться упреку или неодобрению. И вот с какой точки зрения литература наша вообще навлекает на себя сильные упреки со стороны публики. В самом деле, у нас довольно романов исторических, которые хотят знакомить публику с прошедшим бытом России, в разные эпохи ее существования; довольно романов сатирических, нравоописательных, которые хотят знакомить ее с нравами современного общества; еще более у нас повестей в этом роде и целые томы нравоописательных, нравственно-сатирических и всяких юмористических статей. Но от этого нам нисколько не легче. В исторических романах мы не находим ничего, кроме исторических имен, и всего менее находим мы в них чего-нибудь похожего на древнюю Русь. Это просто-напросто ученические эскизы с романов Вальтера Скотта, эскизы, в которых историческая истина принесена в жертву несвойственному русской действительности романтизму. Сверх того, видно еще, что авторы изучили эпоху, которую брались изображать в своих романах, из «Истории государства российского» Карамзина, заглядывая в нее за несколько дней перед тем, как садились за свою работу. Не лучше этих так называемых «исторических» романов и так называемые нравоописательные романы: не знаем, что в них есть, но знаем, что в них нет нравов русского общества и что все, о чем в них рассказывается, так же легко могло случиться, или – все равно – так же легко могло не случиться в Китае, в Абиссинии, под водою и на облаках, как и в России. В них нет ни сатиры, ни нравов, потому что нет взгляда на вещи, нет идеи, нет знания русского общества, а есть только мелочный сатиризм, школьное критиканство, устремленное не на дикие понятия, не на ревушие противоречия между европейскою внешностию и азиатскою

сущностью, а на прически a la poujik¹, на очки, на лорнеты, на усы, эспаньолки, бороды и тому подобные невинные принадлежности моды. В них фигурируют и рисуются герои добродетели и герои злодейства, которых имена напоминают собою пословицу: *по шерсти собаке и кличка*, и которые заранее дают знать читателю, с кем предстоит ему иметь дело; но в них нет людей, нет характеров, которые, в своей простоте и действительности, иногда бывают гораздо лучше всевозможных бумажных героев добродетелей, а иногда, от доброты сердца и без всякой злобы, делают больше зла, чем все на свете неестественные изверги порока.^[2] Таковы же и нравоописательные повести. Что касается до нравоописательных и нравственно-сатирических очерков и юмористических статей, – это просто риторические распространения на какую-нибудь нравственную тему. При этой качественной бедности в числительном богатстве, у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы, в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний, знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев и которой коренное русское народонаселение представляется такою огромною массою с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестреющих бесчисленными оттенками. Если и были попытки на сочинения такого рода, – все они, от чувствительного «Путешествия в Малороссию» князя Шаликова до фразистой «Поездки в Ревель» Марлинского, могут считаться как бы несуществующими. А сколько материалов представляет собою для сочинений такого рода огромная Россия! Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь – все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и, особенно, по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему! Мало этого: сколькими оттенками пестреет сама Великороссия не только в климатическом, но и в общественном отношении! Северная полоса России резко отличается от средней, а средняя – от южной. Переезд из Архангельска в Астрахань, с Кавказа в Уральскую область, из Финляндии в Крым – все равно, что переезды из одного мира в другой. Москва и Петербург, Казань и Харьков, Архангельск и Одесса: какие резкие контрасты! Какая пища для ума наблюдательного, для пера юмористического! Во Франции обо всяком уголке ее, сколько-нибудь и в каком-нибудь отношении замечательном, не одна книга написана, а сочинения о Париже образуют собою большую отдельную литературу. Кому не известна «Книга ста одного», которая соединила в себе труды едва ли не всех – и великих, и средних, и малых – французских писателей и, будучи сборником множества статей в форме повестей, рассказов и юмористических очерков, по своему содержанию была посвящена изображению и характеристике Парижа. Недавно вышел великолепно изданный кипсек, текст которого, под названием: «Un ete a Paris», составлен Жюль Жаненом; и вот теперь выходит в Париже иллюстрированное издание «Le Diable a Paris», опять посвященное изображению того же самого Парижа. Трудно было бы перечислить все такие издания, беспрестанно выходящие во Франции. Издание «Les Francaises peints par eux-memes» посвящено изображению общественных нравов французов вообще.^[3] А назад тому лет двадцать сколько являлось во Франции разных «Пустынников»: и парижских, и лондонских, и бог знает каких еще! Правда, и у нас, по примеру этих пустынников, жадно переводившихся на русский язык, появились *Лужницкие старцы, Жители Галерной слободы*

¹ По-мужицки. – Ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

См. примеч. 407 в т. III наст. изд.

2.

Родоначальником «нравоописательного» или «нравственно-сатирического» романа Белинский считал роман А. Измайлова «Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и общества» (1799–1801). Начиная с «Литературных мечтаний» Белинский настойчиво разоблачает претензии авторов подобных романов на «исправление» нравов. См., например, «О русской повести и повестях Гоголя» (1835), «Кузьма Петрович Мирошев» Загоскина (1842), «Мертвые души» Гоголя (1842), «Русская литература в 1843 году» (1844) и др. Последний отголосок этой борьбы мы находим в «Ответе «Москвитянину»» (1847).

3.

«Книга Ста одного» («Paris ou le livre des Cent et un») выходила в Париже в 1832 году в нескольких томах.